

Краткие тезисы к научно-практическому круглому столу "Интервенция в чужие договорные отношения"

1 Введение

Данные тезисы подготовлены с целью обозначения позиции по основным проблемным вопросам института и отражают заявленную программу круглого стола:

- политико-правовое обоснование ответственности за интервенцию;
- догматические аспекты ответственности за интервенцию;
- возможные негативные последствия как реакция правопорядка на интервенцию;
- форма вины интервента; и
- соотношение договорной ответственности должника и деликтной ответственности интервента.

2 Политико-правовое обоснование доктрины интервенции: превенция "эффективных нарушений", риски подрыва стабильности договорных отношений, моральный аспект (аморальна ли интервенция) и др.

Институт ответственности интервента за вмешательство в договорные отношения при разумном подходе выполняет важную функцию в правовом регулировании. Ключевым политико-правовым аргументом в данном вопросе видится обеспечение устойчивости договорных связей в обществе. Апологеты теории "эффективного нарушения" будут утверждать, что интервент действует в соответствии со своими возможностями: возмещение убытков рассматривается как "плата за перехват" объекта договора. Тем не менее, полагаем, что правопорядок не должен поощрять полное игнорирование интересов участников договорных отношений, что происходит в случае с "эффективным нарушением". Последовательное применение на практике идей о "стоимости договора", за которую его можно перехватить, приводит, если выделять самые важные моменты, к многократному увеличению издержек на ведение деятельности и полному беспорядку в части планирования товарооборота.

Кроме того, ведущие правопорядки, определяя противоправность поведения интервента (в "терминологии" нашего восприятия), обращают внимание на особые обстоятельства (подробнее см. справки по отдельным правопорядкам), которые негативно характеризуют действия интервента. Таким образом, не любое проявление конкуренции будет на корню устранено за счет развития ответственности за вмешательство в договорные отношения.

В целом, тот факт, что в том или ином виде в различных правопорядках допускается возможность привлечения к ответственности интервента, свидетельствует о торжестве идеи об ограничении вмешательства третьего лица в чужие отношения.

3 Догматические аспекты: соотношение доктрины интервенции с принципом относительности обязательственных отношений, проблема взыскания чистых экономических убытков

Интервент априори не способен затронуть порожденные обязательством права и обязанности кредитора и должника может лишь подтолкнуть должника к нарушению условий договора. Следовательно, действия интервента не приводят к возникновению договорной ответственности, а

вкупе с действиями должника считаются самостоятельным основанием для привлечения к ответственности.

Некоторые авторы видят в том, что правопорядки защищают относительные правоотношения от воздействия третьих лиц, процесс разрушения доктринальной дихотомии абсолютных и относительных правоотношений. В современной российской учебной литературе отмечается, что практически это разграничение важно с той точки зрения, что "при нарушении абсолютного права меры защиты и ответственности могут быть применены к любому нарушителю, а при нарушении относительного права может отвечать только строго определенное лицо, обязанное своими действиями удовлетворять интересы управомоченного"¹. Однако данное утверждение, если разобраться, не противоречит и не вступает в конфликт с ранее сказанным: в самом деле, при нарушении относительного права к ответственности привлекается только должник (будучи единственным лицом, способным это сделать).

Третье лицо, интервент, будет отвечать за то вмешательство, которое он осуществил в отношении права требования кредитора и которое негативно оценивается правопорядком. Как верно отмечает С.А. Сеницын, предоставление нормами объективного права какого-либо правопорядка субъекту обязательственного права возможности защиты против любого третьего лица нельзя воспринимать как "доказательство вещной или абсолютной природы самого субъективного права, поскольку усиление правового положения наблюдается лишь в полномочиях по защите права <...> и расширении круга возможных правонарушителей – потенциальных ответчиков по искам в гражданском процессе"².

Выбор той или иной модели осуществляется в зависимости от ценности и разумности требования исполнения в натуре (предпочтение отдается конкретной модели исходя из идеи о необходимости снижении транзакционных издержек). Как утверждают американские цивилисты, по умолчанию относительные права защищаются по модели liability rule, а абсолютные права – по модели property rule, однако из этого общего правила есть определенный набор исключений, связанных опять-таки со стремлением найти наилучший подход с точки зрения адепта экономического анализа прав.

Стоит согласиться с С.А. Сеницыным в том, что вопрос оценки возможности нарушения обязательства третьим лицом "не является краеугольным камнем теории абсолютных и относительных прав, поскольку изначально связан с отдельными аспектами не материально-правового содержания субъективного права, а пределов защиты нарушенных прав, их охраны гражданским законодательством"³.

Представляется, что отрицание правопорядком оснований для предоставления правовой защиты интересам интервента является способом оградить от негативного воздействия относительные правоотношения, что происходит отнюдь не по причине отсутствия различий между ними и абсолютными правоотношениями. В этом случае речь скорее идет о том, что общий принцип добросовестности в гражданском праве диктует, что лица не должны извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения. Данное требование направлено на неограниченный круг адресатов;

¹ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. Т. 1. 2-е изд., стереотип. // СПС «Консультант-Плюс»

² Сеницын С.А. Абсолютная защита относительных прав: причины, последствия и соотношение с принятой классификацией субъективных прав // Вестник гражданского права. 2015. № 1 (СПС «Консультант-Плюс»).

³ Сеницын С.А. Указ. соч.

действительно, нарушить договорное обязательство может лишь должник, который по своей воле связал себя, однако это не значит, что другие участники оборота вольны делать все, что им заблагорассудится. Тем более, это не значит, что должник и интервент, действующие совместно с целью причинения вреда кредитору, не могут быть совместно привлечены к ответственности за совершение подобных действий для возмещения единого причиненного вреда.

4 Возможные санкции: возмещение вреда при недобросовестной интервенции в форме убытков, возмещение вреда в натуре на основании ст.1082 ГК путем отобрания проданного интервенту имущества или оспаривание сделки должника и интервента на основании правил ст.10 и ст.168 ГК (какой из вариантов корректнее и возможен ли выбор санкции кредитором?)

В иностранных правовых порядках допускается несколько последствий вмешательства третьего лица в договорные отношения.

Что касается российского правового порядка, то стоит согласиться с А.Г. Карапетовым: похоже, что, если это возможно, взысканию убытков с недобросовестного контрагента предпочтение отдается по модели абсолютной защиты (property rule). Самый очевидный пример: интервент перекупил имущество, которое уже было обещано первоначальному покупателю⁴. Таким образом, пострадавшее лицо пытается получить утраченное имущество в натуре.

Существует два варианта защиты по модели property rule при вмешательстве интервента в договорные отношения: отобрание имущества у интервента по правилам о возмещении вреда в натуре (ст.1082 ГК РФ) и признание сделки с интервентом недействительной по правилам ст.10 и 168 ГК РФ (альтернатива – ст.169 ГК РФ). При последнем варианте распорядительный эффект сделки аннулируется, а пострадавшее лицо забирает вещь у продавца.

Именно признание сделки с интервентом недействительной выглядит как самое популярное решение в российском правовом порядке. Есть смысл привести лишь несколько существующих примеров.

Во-первых, в соответствии с банкротным законодательством кредитор получает возможность оспорить подозрительные сделки, совершенные в предбанкротный период, когда контрагент должника – интервент знал "об ущемлении интересов кредитора" и все равно заключал подозрительную сделку⁵.

Во-вторых, в корпоративном праве сторона корпоративного договора может требовать признания недействительной сделки другой стороны корпоративного договора с контрагентом, действующим умышленно в нарушение ограничений, предусмотренных корпоративным договором⁶, с таким же требованием к осведомленному об ограничении полномочий интервенту в суд может обратиться лицо,

⁴ "Оспаривание сделки должника с недобросовестным интервентом: развитие судебной практики и вопросы для обсуждения" в блоге А.Г. Карапетова в социальной сети "Zakon.ru" // https://zakon.ru/blog/2018/03/07/osparivanie_sdelki_dolzhnika_s_nedobrosovestnym_interventom_razvitie_sudebnoe_praktiki_i_voprosy_dlya_obsuzhdeniya

⁵ Ч. 2 ст. 61.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁶ П. 6 ст. 61.2 ГК РФ.

в чьих интересах установлены ограничения полномочий лица на совершение сделки, если третье лицо все-таки заключило договор с лицом, чьи полномочия были ограничены⁷.

Судебная практика дополняет перечень случаев оспаривания сделок с интервентом-злоумышленником.

Во-первых, внеконкурсное оспаривание сделок, совершенных должником по отчуждению своего имущества с целью ограничить возможности кредитора по обращению на это имущество взыскания признается, по сути, частным случаем незаконного вмешательства⁸.

Во-вторых, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 "О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки" ВС РФ указал, что уступка, совершенная вопреки договорного запрета, может быть признана недействительной в случае, если цедент и цессионарий действовали с намерением причинить вред должнику (статьи 10 и 168 ГК РФ).

В-третьих, в Определении СКГД ВС РФ от 09.01.2018 года № 50-КГ17-27 суд посчитал, что отчуждение долей помещения в пользу третьего лица может быть признано ничтожным по правилам ст.10 и ст.168 ГК, если отчуждение нарушало права первоначального покупателя, уплатившего цену и правомерно претендовавшего на получение доли, и при этом последующий покупатель, оформивший на себя доли, был недобросовестен.

В-четвертых, в Определении Верховного Суда РФ от 25.01.2018 № 308-ЭС17-14180(1,2) по делу № А15-1917/2014 отмечено, что при двойной продаже квартиры покупатель может истребовать квартиру у недобросовестного интервента, зарегистрировавшего за собой право собственности на данную квартиру.

Схожий подход был применен и в других делах: выяснив, что второй приобретатель объекта недвижимости, зарегистрировавший свое право, был прекрасно осведомлен о первоначальной продаже объекта, суд признал право собственности за первоначальным покупателем и отменил регистрацию права интервента⁹.

Таким образом, можно сказать, что на данном этапе российский правопорядок идет по следующему пути: интервент не привлекается к деликтной ответственности за вмешательство в чужие договорные отношения, вместо этого оспариваются заключенные с интервентом сделки (если они имели место).

Несмотря на это, в российском праве известны случаи, когда за незаконное вмешательство с интервента взыскиваются убытки.

⁷ П. 1 ст. 174 ГК РФ.

⁸ Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. N 5. С. 8 - 54.

⁹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12.02.2015 № Ф02-6725/2014 по делу № А74-1825/2014; Определение Верховного Суда РФ от 27.03.2018 г. № 49-КГ17-35.

Например, правила о субсидиарной ответственности контролирующего лица свидетельствуют о том, что в российском правовом порядке "вмешательство лица, фактического контролировавшего организацию, в ее обязательства таким образом, чтобы она не смогла их исполнить"¹⁰ не является правомерным.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 №39-П закрепляется правомерность предъявления ФНС исков об убытках по ст. 1064 ГК РФ к руководителям и бухгалтерам организаций, привлекавшимся к уголовной ответственности за неуплату их организациями налогов. Фактически в данном Постановлении закреплена позиция о том, что вмешательство третьего лица в какие-либо относительные отношения, влекущее неисполнение по обязательствам, недопустимо; такое поведение интервента создает основания для взыскания с него убытков.

Представляется, что кредитор самостоятельно может определить, с каким требованием ему стоит обращаться в суд, другое дело, что российская практика идет по знакомому пути оспаривания сделок (в случае если интервент приобрел у недобросовестного должника спорный объект).

5 Форма вины интервента: наступает ли ответственность при доказанном точном или вменяемом ("должен был знать") знании интервента о провоцировании нарушения, только при доказанном точном знании ("знал или со всей очевидностью не мог не знать") или при доказанном умысле на шикану?

Требуемая степень упречности поведения интервента для привлечения к ответственности должна являться маркером для правового порядка, четко обозначая, что является допустимым, какую проверку имеющихся отношений вокруг приобретаемого блага необходимо провести. Прийти к такому стандарту так же помогает понимание вины в объективном смысле – через стандарт поведения среднего разумного лица.

Очевидно, что при таком подходе имеется существенная судебная дискреция, как, собственно, имеется она и при исследовании вопроса о недобросовестности лица. Вообще говоря, самым правильным представляется применение того же стандарта, с которым сверяется поведение недобросовестного лица: интервент привлекается к ответственности за вмешательство, если он точно знал или при всей очевидности не мог не знать о наличии договора и о том, что вмешательство спровоцирует нарушение обязательственного права. Выражаясь терминологией, унаследованной от уголовного права, порочной считается интервенция, совершенная с умыслом или "по грубой неосторожности".

Именно в данной части, хочется высказаться еще и о предлагаемом бремени доказывания: истец должен доказать наличие нарушенного права, связь между действиями интервента и нарушением и знание интервента об имеющемся договоре. При доказанности названных трех элементов ответчик может защищаться, выдвигая аргументы о том, что его действия были оправданы и не противоречили представлениям правового порядка о должном поведении (поведении среднего разумного лица).

¹⁰ Лотфуллин Р.К. Субсидиарная и иная ответственность контролирующих должника лиц при банкротстве (вступительное слово О.Р. Зайцева).

6 Соотношение договорной ответственности контрагента и деликтной ответственности интервента: солидаритет, субсидиарная ответственность или ответственность только в случае банкротства контрагента?

С точки зрения соотношения ответственности должника и интервента речь должна идти о солидаритете. Разные основания возникновения (для должника – из договора, для интервента – из деликта) в данном случае не имеют значения, поскольку един объект посягательства¹¹. Судебная практика тоже демонстрирует принятие такого подхода, акцентируя внимание на важности именно совместного причинения вреда¹², что свидетельствует о наличии оснований для солидарной ответственности.

Правильным решением данного вопроса видится подход французского правопорядка, который основан на представлении о том, что обязательства, возникающие и у должника, и у интервента, имеют один объект – возместить все убытки, причиненные договорным отношениям¹³. Как известно, такая ответственность усиливает позицию истца, "предоставляя ему возможность требовать возмещения не с того из правонарушителей, кто в наибольшей мере виновен в правонарушении, а с того, кто в состоянии в полном объеме компенсировать его неблагоприятные имущественные последствия"¹⁴ (при этом истец остается вправе требовать недополученное с остальных солидарных должников). Вполне допустимо установление солидарной ответственности в разных долях по усмотрению суда.

Кроме того, договорные ограничения ответственности должны срабатывать и в случае интервенции, так как кредитор не должен получать более того, на что он рассчитывал, заключив договор с должником. Данная позиция подтверждается и основной функцией деликтного права: оно направлено на возмещение вреда, а не наказание провинившегося.

¹¹ Подробнее см.: *Тололаева Н.В.* Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция. Дис...кан.юр.н. М. 2017. С. 61-62; *Синицын С.А.* Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах. Дис...докт.юр.н. М. 2017. С. 519.

¹² Постановление ФАС Поволжского округа от 17.10.2013 по делу № А65-27653/2012.

¹³ *Palmer V. A Comparative Study (From a Common Law Perspective) of the French Action for Wrongful Interference With Contract // The American Journal of Comparative Law. Vol. 40. 1992;* о том же подходе пишет Х. Коциоль (см. *Kozioł H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. 2012. P. 102*).

¹⁴ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.С. Ем, И.А. Зенин, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 1 // СПС «Консультант-Плюс».